АНДРЕЙ ШЛЯХОВ

ОШИБКА ДОКТОРА ДАНИЛОВА

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

Ошибка доктора Данилова

«Автор»
2011

Шляхов А. Л.

Ошибка доктора Данилова / А. Л. Шляхов — «Автор», 2011 — (Доктор Данилов)

Много куда закидывала судьба доктора Данилова, но выступать в роли судебного эксперта ему еще никогда не доводилось. Впрочем, выступить ему так и не довелось, но он старался сделать все возможное для защиты несправедливо обвиненного коллеги… «Правосудие торжествует даже в тех случаях, когда у него нет для этого оснований», говорил Конфуций.

© Шляхов А. Л., 2011
© Автор, 2011

Содержание

Глава первая. Здесь я командую парадом! 5
Глава вторая. В начале славных дел 12
Глава третья. Absente aegroto 18
Глава четвертая. Сомнение 24
Глава пятая. Доктор Кактус 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Андрей Шляхов
Ошибка доктора Данилова

Соблюдая установленные традиции, автор сообщает своим уважаемым читателям и вообще всему человечеству, что все события, о которых рассказывается в этой книге, являются продуктом его буйного неукротимого воображения, точно так же, как и имена действующих лиц, которые выдуманы от первой буквы до последней. Короче говоря, все совпадения случайны… Но мы-то с вами хорошо знаем, что ничего случайного в этом мире нет и быть не может.

«Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше… Не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены… Да хранит вас Бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей… Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, Богом данное дело… Это теплее, честнее и здоровее. А жизнь, которую я пережил, – как она утомительна! Ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого…»
Антон Павлович Чехов, «Иванов»

«Правда, несомненная правда, что я сделал ошибку.
И даже было, может быть, много ошибок…»
Федор Михайлович Достоевский, «Кроткая»

«Человеку свойственно ошибаться»
Луций Анней Сенека Старший

Глава первая. Здесь я командую парадом!

Нормальные люди отчитывались о докладах, прочитанных где-то на стороне, лаконично. На такой-то конференции выступил с тем-то, были вопросы, в целом восприняли хорошо – и точка! Но отчеты доцента Савельева растягивались, как минимум, на полчаса, а то и дольше. Савельев вообще был многословен, он никогда не мог ответить «да» или «нет», а выдавал целую речь – «поймите меня правильно, в данной ситуации я просто не могу принять иного решения, потому что…» И не остановится, зануда этакая, пока не перечислит все причины, по которым он не может провести практическое занятие вместо заболевшего сотрудника или написать рецензию на статью.

Доцент Сааков утверждал, что, прежде чем лечь в постель с женщиной, Савельев излагает ей преимущества полового размножения перед бесполым, затем переходит к роли эротических отношений в жизни людей, проговаривает физиологические аспекты совокупления и только после этого приступает к делу. А что? С такого дятла станется… Ну а в тех редких случаях, когда Савельеву выпадал случай рассказать о своих достижениях, пусть даже и надуманных, он сыпал словами так обильно, что в них можно было утонуть. Заодно и раздувал сделанное до невероятных размеров. Вот что, к примеру, можно выжать из регионарной анестезии[1] у пациентов с ожирением? Казалось бы, что все возможное из этой темы давно уже

[1] Регионарной анестезией называется разновидность анестезиологического пособия, суть которой заключается в прерыва-

выжато. Ан нет – доцент Савельев десяток статей опубликовал, на трех конференциях с докладами выступил и монографию клепает… Почему его аспиранты с ординаторами так любят? Да потому что другие кафедральные эксплуататоры грузят их написанием серьезных научных статей, для которых требуется перелопатить кучу литературы, а Савельеву можно и из наспех надерганных абзацев текст составить. Он по нему пройдется – здесь добавит, там уберет, вставит какие-то обновленные данные и опубликует. Другим рецензенты научных журналов по три раза тексты статей на доработку возвращают, а Савельев всегда публикует свои опусы с первого захода, потому что человек умеет выстраивать и поддерживать отношения с нужными людьми. При желании он сможет сказку о спящей царевне в «Проблемы анестезиологии и реаниматологии» пропихнуть как интересный исторический пример длительного пребывания в коматозном состоянии. А почему бы и нет? Случай-то интересный…

Монотонный савеловский бубнеж усыплял лучше любого снотворного, но спать на кафедральном собрании было невозможно – сотрудники сидели на виду у заведующего, за длинным совещательным столом, приставленном к его рабочему столу. Каждый боролся со сном по-своему. Кто-то время от времени щипал себя за бедро, кто-то дергал за ухо, кто-то тер глаза пальцами… Данилов составлял в уме заковыристые шахматные задачи-многоходовки, особо удачные из которых предлагались вниманию Марии Владимировны, с недавних пор обнаружившей у себя талант к шахматам. Над некоторыми задачами дочь могла ломать голову несколько дней подряд, но ни одну не бросила нерешенной, причем справлялась самостоятельно, без посторонней помощи – сказывалась материнская целеустремленность, помноженная на отцовское упрямство.

Выражение даниловского лица при составлении задач становилось вдумчиво-серьезным, к тому же он время от времени кивал, если делал правильный шаг, или качал головой, если ошибался, так что со стороны создавалось впечатление внимательного слушания. Шеф даже ставил Данилова в пример: «Вот Владимиру Александровичу, в отличие от остальных, интересно, что говорят коллеги!». Ага, как бы не так! Кому может быть интересно слушать, как проходной доклад на затасканную тему выдается за научное событие эпохального масштаба? Разве что только самому Савельеву.

Сегодня пятиходовка никак не складывалась, а когда, наконец, сложилась, Данилов вдруг понял, что мат запросто ставится в три хода. Если вместо задуманной трехходовки у тебя получается пятиходовка, то это хорошо, а вот если наоборот, то это провал из серии «сделать хотел грозу, а получил козу». Обозвав себя бестолочью, Данилов вслушался в речь Савельева и с тоской подумал о том, что раньше, чем через десять минут тот отчитываться не закончит.

К шахматам после провала сегодня больше не тянуло. Тянуло домой, где дожидались своего часа замаринованные со вчерашнего вечера стейки. В середине мая Данилов с Еленой побывали в культовой «Стейкарне на Пятницкой», которую всячески превозносили в сетях и, к тому же, активно нахваливал Никита. Попробовав стриплойн, который, разумеется, был не просто стриплойном, а «настоящим стриплойном от Пекоса Билла» (знать бы еще, кто это такой), Данилов сказал, что сочность – это еще не самое главное достоинство стейка, у него, как и у любой еды, в первую очередь должен наличествовать вкус. Елена, которую ее «пиканья от Пеле» вполне устроила, посоветовала мужу готовить самые вкусные в мире стейки дома, правильным образом из правильного мяса. «У меня специальной сковородки нет, а на обычной получается гибрид шницеля с бифштексом» отшутился Данилов и получил на День медика в подарок трехкилограммовую чугунную сковороду с концептуальными выступами-ребрами. Назвался груздем – полезай в кузов. Данилов опробовал подарок в деле, понял, что это хорошо и стал регулярно готовить стейки.

нии проведения болевых импульсов от места вмешательства посредством блокады проводящих путей.

Закончив перечислять вопросы, которые были заданы ему на конференции, Савельев вернулся к тому, с чего начал – к актуальности разрабатываемой темы. Доцент Паршин демонстративно зевнул, а затем скривился так, будто съел что-то кислое. Заведующий кафедрой сделал вид, будто ничего не заметил. При прежнем заведующем шеф и Паршин, работавшие в филиале кафедры, расположенном в шестнадцатой больнице на Нахимовском проспекте, были в хороших отношениях. После того, как Владислава Петровича назначили заведующим, Паршин попытался поэксплуатировать эти хорошие отношения, но сразу же получил по ушам, потому что шеф никому не позволял манипулировать собой. После того, как надежды Паршина на скорую защиту докторской и вожделенное профессорство накрылись медным тазом, убежденный лоялист превратился в стойкого оппозиционера, так и норовившего подпустить очередную шпильку шефу и тем, кого считал его любимчиками. Савельев к любимчикам не относился, он был из тех, про кого говорят: «не трогай – вонять не будет», но озлобленный Паршин таких тонкостей не понимал.

«Чтоб на тебя икота напала!», пожелал в сердцах Данилов, глядя на костистую физиономию докладчика. В даниловской классификации человеческих особей Савельев стоял на низшей ступеньке, отведенной для «угодяев» – угодливых негодяев, которые в глаза льстят, а за глаза делают пакости.

Пожелание не сбылось. Савельев без каких-либо помех закончил свой отчет, закрыл ноутбук, провел по крышке ладонью, смахивая несуществующую пыль и обвел коллег взглядом – вопросы будут? Дураков, желающих подливать масло в огонь его красноречия, разумеется, не нашлось.

– Родион Николаевич, я завтра предоставлю вам пятнадцать минут в начале своей лекции для сотрудников нашей больницы, – сказал заведующий кафедрой, делая ударение на словах «пятнадцать минут». – Дадите коллегам практические рекомендации по теме вашего доклада, хорошо?

В принципе, шеф мог бы дать эти рекомендации и сам, но он любил привлекать подчиненных к участию в собственных лекциях. Хорошо, если сотрудник работал здесь же, в семьдесят седьмой больнице – в этом случае выступление не отнимало много времени. А вот тем, кто работал в филиале, ради короткого выступления приходилось тратить на дорогу туда и обратно около двух часов.

– К огромному моему сожалению, Владислав Петрович, я завтра не смогу, – ответил Савельев, растягивая узкие губы в подобии виноватой улыбки.

– Почему? – кустистые брови заведующего кафедрой удивленно приподнялись, а затем сошлись вместе на переносице.

Подобно большинству начальников шеф не любил, когда ему перечили, ну а от Савельева он ничего подобного ожидать не мог, поскольку тот всегда безропотно-беспрекословно исполнял все распоряжения начальства.

Народ встрепенулся – собрание начало принимать интересный оборот.

– Дело в том, Владислав Петрович, что профессор Ямрушков, у которого я когда-то учился, обратился ко мне с предложением, принять участие в работе судебной экспертной комиссии…

– Экспертной комиссии? – недоуменно переспросил шеф.

– Да, экспертной комиссии, под руководством Валентина Семеновича, – с достоинством ответил Савельев. – Его, как нештатного судебно-медицинского эксперта и одного из лучших специалистов в стране, вдобавок еще и автора руководства…

– Я прекрасно знаю, кто такой Ямрушков! – раздраженно перебил шеф. – Что за комиссия?

В голове у Данилова промелькнули две мысли – радостная и удивленная. Он порадовался тому, скучное собрание хоть как-то оживилось, и удивился тому, что такого непроходимого

дурака, как Савельев, пригласили в судебные эксперты. Он же только языком трепать мастер, а попроси его пациента к «вентилятору»[2] подключить, так ведь не справится. Практические занятия со студентами и ординаторами проводит в кабинете, без выхода в реанимационный зал или операционную. Бумажный врач, одним словом. На словах тебе что угодно объяснит, но показать не покажет.

– Шестого апреля текущего года в больнице имени Филомафитского, – начал Савельев, – это бывшая сто восьмая больница, которая на Лобненской улице…

– Это мы знаем! – шеф демонстративно посмотрел на висевшие на стене часы. – Давайте конкретику. Что там произошло?

Вопрос был риторическим. О том, что случилось в бывшей сто восьмой больнице, в той или иной степени, знали все собравшиеся. Информация поступала как из кулуаров, так и из средств массовой информации, для которых любое «дело врачей» было лакомым куском, который можно пережевывать бесконечно. Но шеф любил порядок. Затронул тему – доложи.

– На восьмой день после операции протезирования аортального клапана умер, не приходя в сознание, восемнадцатилетний пациент кардиохирургического отделения, – продолжал Савельев. – На вскрытии выяснилось, что причиной смерти стал инфаркт мозга, вызванный воздушной эмболией[3] мозговых артерий. По жалобе родителей умершего было открыто уголовное дело…

– Хирурги обвиняют анестезиолога, а он – хирургов! – вставил Сааков. – Вечная песня!

– Оперировал профессор Раевский, тот самый, который…

– Который великий и ужасный, – с ехидцей перебил шеф. – А как фамилия анестезиолога? Кажется Сапегин…

– Сапрошин его фамилия, Владислав Петрович, зовут Юрием, а отчество я запамятовал.

О профессоре Раевском Данилов был наслышан. Чаще всего, говорили о нем с придыханием – золотые руки, великий диагност, ученик самого Кунчулия… С таким мамонтом тягаться сложно. Расклад был явно не в пользу анестезиолога Сапрошина. Особенно с учетом того, что хирургов двое, а то и трое (такие операции без ассистентов не делаются), а анестезиолог один. Медсестер в расчет можно не брать, их дело – сторона. Противоборство идет между врачами.

– Дело сложное, – продолжал Савельев, убедившись, что у шефа пока нет вопросов. – Следствие установило вину Сапрошина, но на суде возникли… хм… проблемы, связанные с тем, что Сапрошин свою вину категорически не признает. Для полной ясности суд был вынужден назначить повторную экспертизу, комиссионную, в проведении которой мне предстоит участвовать. Признаться честно, я совершенно не горю желанием, но и не могу отказать Валентину Семеновичу, которого я искренне и глубоко уважаю и как человека, и как специалиста с большой буквы…

У заведующего кафедрой начал подергиваться левый глаз, что служило признаком сильного раздражения. Савельев не обратил внимания на этот тревожный симптом, а, возможно, что он просто не заметил его, поскольку сидел по правую руку от шефа.

– Завтра на одиннадцать часов у меня назначена встреча с судьей для согласования вопросов, касающихся моего участия в работе комиссии, и потому, при всем моем желании, я не смогу присутствовать на вашей лекции, Владислав Петрович. К огромному моему сожалению…

– Очень хорошо! – сказал шеф, нахмурившись пуще прежнего. – Мой коллега привлекает моего сотрудника к участию в судебном процессе, а я узнаю об этом случайно! Я считаю,

---

[2] «Вентилятор» – жаргонное название аппарата искусственной вентиляции легких.

[3] Эмболией называется закупорка кровеносных сосудов пузырьками воздуха, тромбами, жировыми частицами и прочими субстанциями, не способными растворяться в крови.

что Ямрушкову следовало переговорить со мной, прежде чем приглашать моего сотрудника в свою комиссию. В конце концов, мы с ним в одном университете работаем, надо же проявлять тактичность… И вообще, зачем ему понадобились именно вы?

Вопрос прозвучал как откровенное оскорбление – ну какой из тебя эксперт? Данилов подумал о том, что профессору Ямрушкову явно нужен не профессионал, а конформист, условный Васин, который на все согласен. По этой части Савельеву не было равных. Если шеф скажет, что солнце восходит на севере, а садится на юге, Савельев не просто с этим согласится, но и придумает подходящее объяснение абсурдному утверждению.

– Дело, как я уже говорил, сложное, Владислав Петрович, – в голосе Савельева проявились елейно-заискивающие нотки. – Вопрос неоднозначный, потому и потребовалась повторная комиссионная экспертиза. Валентин Семеновичнабирает в комиссию тех, кому он полностью доверяет. Вы же знаете, как Валентину Семеновичу дорога его кристально чистая репутация…

– Репутация всем дорога! – хмыкнул шеф. – Мне тоже, к вашему сведению. И меня совершенно не радует, когда ко мне относятся пренебрежительно, словно к пустому месту. На всякий случай, а то вдруг кто забыл, напоминаю, что я пока что являюсь заведующим кафедрой анестезиологии и реаниматологии, на которой все вы имеете счастье работать! Поэтому извольте согласовывать со мной все ваши рабочие планы, в том числе и участие в сторонних комиссиях. Надеюсь на понимание.

Там, где умный сочтет нужным промолчать, дурак обязательно выскажется, на то он и дурак. Савельев решил оправдаться.

– Мне было неловко беспокоить вас по таким пустякам, Владислав Петрович, – заюлил он. – Вопрос-то незначительный, совершенно не заслуживающий вашего внимания. Я же имею представление о том, как вы заняты…

– Незначительный?! – нехорошо прищурился шеф. – Позвольте мне самому решать, что заслуживает моего внимания, а что нет! Из-за этой вашей комиссии срывается учебный процесс на моей кафедре! – слова «вашей» и «моей» шеф произнес с нажимом. – Вы не можете завтра быть на очень важной лекции, которую я читаю для врачей, – шеф поднял вверх указательный палец и потряс им, подчеркивая важность события, – потому что у вас встреча со следователем…

– С судьей, – поправил Савельев.

– Да хоть с прокурором! – рявкнул шеф, никогда еще не повышавший голоса, во всяком случае – при кафедральных сотрудниках. – Вы недавно попросили меня дать вам возможность закончить докторскую и дописать монографию. Было такое?

Савельев молча кивнул. Лицо его побледнело, а уши, напротив, густо покраснели.

– Я не хочу сейчас заострять внимание на том, чего мне стоило перераспределение вашей нагрузки среди других сотрудников, – заведующий кафедрой медленно обвел взглядом всех присутствующих. – Скажу только, что недовольства было много. Но я пошел вам навстречу, Родион Николаевич, потому что хорошо помню, как сам выкраивал время для написания моих диссертаций. И что же получается? С одной стороны вы просите снять с вас часть нагрузки, а с другой – берете дополнительную нагрузку на стороне. Где логика?

Савельев ничего не ответил.

– Где логика, я вас спрашиваю? – повторил шеф. – Или вам судебная медицина стала ближе нашей специальности? Так переходите на кафедру к Ямрушкову, я вас задерживать не стану!

Последняя фраза прозвучала угрожающе. Лицо Савельева побледнело еще сильнее, а уши покраснели так, что от них впору было прикуривать.

– Владислав Петрович, я вам безмерно благодарен за все, что вы для меня сделали, но я не мог отказать Валентину Семеновичу, одному из моих учителей, – Савельев тяжело вздох-

нул и развел руками. – Я понял, что поступил неправильно и прошу у вас прощения за свою ошибку. Вы совершенно верно сказали – я должен был сразу же поставить вас в известность и в следующий раз я так и сделаю, обещаю.

– Нет, – покачал головой шеф, – вы ничего не поняли, Родион Николаевич. Вы ставите меня, заведующего кафедрой, перед фактом и говорите, что исправить ничего нельзя. Так нельзя, во всяком случае – со мной. Это первое. Второе – вы должны были не ставить меня в известность, а спросить, считаю ли я возможным ваше участие в работе комиссии и не повредит ли это нашим кафедральным делам. Вы дважды проявили неуважение – и когда приняли предложение без моего ведома, и сейчас, когда пытаетесь настоять на своем. Выходит, что Валентина Семеновича вы уважаете настолько, что не можете ему отказать, а меня, соответственно, не уважаете, поскольку отказываетесь выполнять мои распоряжения, касающиеся ваших прямых обязанностей. Я прав или не прав?

– Вы правы, Владислав Петрович, а я кругом неправ! – с готовностью подтвердил Савельев. – Поверьте, что я бы с радостью все исправил, будь у меня такая возможность…

– В общем так, Родион Николаевич! – шеф негромко, но резко хлопнул по столу ладонью. – Та нагрузка, которую я с вас снял по вашей просьбе, возвращается к вам в полном объеме. Это первое. Если вас завтра не будет на лекции, вы получите выговор. Это второе. Я говорю при всех, а вы знаете, что я слов на ветер не бросаю. И третье – я не склонен работать с теми, кто меня не уважает! Здесь я командую парадом, а не вы! Вы меня хорошо поняли или мне повторить?

– Понял, Владислав Петрович, как не понять… – залепетал Савельев. – Я постараюсь все уладить… Перенесу встречу на другое время…

Доцент Сааков, встретившись взглядом с Даниловым, подмигнул ему и выпятил нижнюю губу – эк как корежит нашего Савелия! Данилов подмигнул в ответ – так, мол, ему и надо, нехорошему человеку. К Савельеву на кафедре относились плохо. Одни недолюбливали, другие ненавидели.

– Нет, вы меня не совсем поняли, Родион Николаевич, – теперь голос шефа звучал мягко, чуть ли не ласково, но эта ласковость была такой, что Савельев вздрогнул. – При вашей загруженности вы вряд ли сможете выкроить время для работы на стороне. Я не могу диктовать вам свою волю и навязывать свои решения. Скажу лишь одно – если вы намерены продолжать работу на нашей кафедре, то вам придется отказаться от предложения Валентина Семеновича. Мне доводилось выступать в качестве судебного эксперта, и я хорошо представляю, сколько времени отнимает эта деятельность. Это только на первый взгляд кажется, что все быстро и просто, а на самом деле… – шеф махнул рукой, давая понять, что все не быстро и не просто. – А я вам впредь навстречу не пойду и нагружать коллег вашими делами не стану, имейте это, пожалуйста, в виду!

Профессор Ряжская, которой перепало что-то из снятой с Савельева нагрузки, демонстративно закатила глаза и потеребила воротник халата – ах, какое облегчение!

– И будете совершенно правы, Владислав Петрович, потому что я это заслужил! – подхватил Савельев, оправдывая пословицу «бесстыжему плюй в глаза, а он говорит: божья роса». – Да я и не рискну впредь беспокоить вас своими просьбами… Но как мне поступить в сложившейся ситуации? Валентин Семенович хотел, чтобы среди членов комиссии непременно был сотрудник нашей кафедры, репутация которой…

«Он еще глупее, чем я думал, – констатировал Данилов. – Сейчас шеф скажет, что Ряжская или Сааков вполне могут выступить в качестве эксперта, на доценте Савельеве белый свет клином не сошелся».

Данилов почти угадал и ошибся только в объекте.

– На вас, Родион Николаевич, белый свет клином не сошелся, – сказал заведующий кафедрой. – Если Валентину Семеновичу непременно хочется иметь в комиссии сотрудника нашей кафедры, то мы не станем его огорчать. Вас может заменить…

Заведующий кафедрой сделал паузу, выбирая подходящую кандидатуру.

«Шеф выберет Саакова, – подумал Данилов. – Он спокойный и вменяемый, хоть и юморист. Ряжская сразу же начнет рвать на себе халат и вопить о том, что ей снова придется за кого-то отдуваться, что у нее гастрит, холецистит, гипертония и вообще весь справочник внутренних болезней…».

– Вас может заменить Владимир Александрович! – шеф посмотрел на Данилова взглядом, дававшим понять, что возражения будут отвергнуты. – Практического опыта у него побольше, чем у вас, да и вообще…

Развивать тему «и вообще» заведующий кафедрой на стал. Сааков, с недавних пор прозвавший Данилова «Шерлоком», изобразил, будто он в задумчивости курит трубку. Понимать эту пантомиму следовало так – ну кому же еще экспертничать, если не тебе?

Заведующий кафедрой выжидательно смотрел на Данилова, который хотел сказать, что он совершенно не годится на роль эксперта, но вместо этого согласно кивнул. Наедине с шефом Данилов непременно бы отказался, сославшись на занятость, работу над диссертацией и особенности своего ершистого характера, совершенно непригодного для работы в комиссиях. В крайнем случае можно было бы напомнить шефу, что он совсем недавно откликался на его личную просьбу, так что сейчас очередь кого-то другого. Но на людях всего этого не скажешь, а шеф ждет ответа прямо сейчас. Опять же, если после отказа шеф переключится на другого сотрудника, то тот, следуя примеру Данилова, тоже откажется, а за вторым откажется третий и собрание закончится феерическим хапараем в стиле «кто тут крайний?». Лучше согласиться, раз уж выпала такая планида. Опять же – любопытно. Куда только не закидывала судьба-ехидна доктора Данилова, но вот в шкуре судебного эксперта он еще ни разу не оказывался. Но пока еще рано «раскатывать губы». Что с того, что шеф предложил, а Данилов согласился? В первую очередь с заменой должен согласиться профессор Ямрушков, который приглашал в комиссию не Данилова, а Савельева. Данилов с Ямрушковым знаком не был, просто знал понаслышке, что на кафедре судебной медицины есть такой профессор, довольно известный.

– Я вам после собрания дам всю информацию, Владимир Александрович, – затараторил Савельев, явно обрадовавшийся тому, что дело закончилось малой кровью. – Нет, не будем откладывать! Зачем? Я вам прямо сейчас все на почту и отправлю…

Он раскрыл ноутбук и проворно застучал пальцами по клавишам.

«А ты поумнел, Вольдемар!», не то похвалил, не то поддел внутренний голос.

«Скорее постарел», с легким налетом грусти подумал Данилов.

Цифра прожитых лет не то, чтобы тяготила или пугала, а просто удивляла – когда это я успел столько прожить? Казалось бы, еще вчера было двадцать, а теперь уже до полтинника рукой подать.

Глава вторая. В начале славных дел

Кафедра судебной медицины располагалась в угловом двухэтажном здании из красного кирпича, построенном в конце позапрошлого века. Внутренняя отделка гармонировала с внешним обликом – лепнина на потолке, деревянные перила, притворяющиеся медными латунные таблички у массивных дверей, стилизованные под старину дверные ручки… Не хватало только ковровой дорожки в коридоре. Ну и сидящего у входа охранника следовало в ливрею одеть, чтобы не выпадал из антуража.

Профессор Ямрушков занимал лучший кабинет – угловой на втором этаже. Единственным старинным аксессуаром здесь было пресс-папье на профессорском столе, при близком рассмотрении оказавшееся замаскированной пепельницей. Все прочее укладывалось в рамки современного начальственно-профессорского стиля – массивная деревянная мебель, кресло размером с трон, шеренги дипломов на стенах… За спиной у хозяина кабинета висела большая цветная фотография, на которой президент вручал Ямрушкову какую-то награду.

Перед знакомством Данилов навел кое-какие справки. Общее мнение о Ямрушкове сводилось к тому, что с ним лучше дружить. На кафедре Ямрушков играл роль кардинала Ришелье, реального правителя при номинальном – заведующем кафедрой профессоре Шапарове, получившем эту должность по наследству от своего отца, одного из светил отечественной патологоанатомии, ученика самого Абрикосова.[4] Как это часто бывает, матушка-природа отдохнула на сыне гения, причем отдохнула конкретно, не дав ему ни острого ума, ни твердого характера, ни умения разбираться в людях и ладить с нимим. Шапаров держался в заведующих только благодаря тому, что Ямрушков предпочитал править из тени, так ему было удобнее. Шапарову так тоже было удобнее. Он мог спокойно предаваться своему хобби – коллекционированию картин русских пейзажистов XIX века – и знать при этом, что дела на вверенной ему кафедре идут надлежащим образом.

Ямрушков явно косплеил Чехова – зачесанные назад волосы, небольшая бородка, очки в тонкой оправе, похожие на пенсне, старомодная бабочка вместо обычного галстука… Только вот комплекция у него была совершенно не чеховской, да и лицо раза в два шире, чем у Антона Павловича, отчего бородка и невесомые очки смотрелись на нем как чужеродные элементы. «С такой комплекцией лучше под Крылова косить», подумал Данилов, разглядывая бабочку, которая особенно его умилила. Впрочем, с Крыловым тоже возникли бы несостыковки – для точного попадания в образ великого баснописца, Ямрушкову нужно было бы прибавить в весе как минимум два пуда.

Профессор встретил Данилова приветливо-дружелюбно, но шпильку в адрес шефа все-же подпустил.

– Ямрушков предполагает, а Замятин располагает, – сказал он, сопроводив эти слова ироничной улыбкой. – Знаете восточную пословицу: «Я – халиф, владыка этих мест, и лишь в Багдаде другой такой есть»?

– Если вас не устраивает моя кандидатура, то скажите сразу, так будет проще, – ответил Данилов, усаживаясь на предложенный ему стул, но пословицу запомнил, понравилась; надо Елене передать, она как раз про ее непосредственного начальника, главного врача московской «скорой».

– Я уверен, что Владислав Петрович остановил свой выбор на достойном человеке, – церемонно ответил Ямрушков. – О репутации кафедры он заботится так же бережно, как и о своей…

---

[4] Патологическая анатомияи судебная медицина – близкородственные специальности. Академик Алексей Иванович Абрикосов (1875–1955) – основоположник отечественной патологической анатомии.

Не стоило и сомневаться в том, что Савельев передал Ямрушкову разговор с шефом во всех подробностях.

– У меня лично нет никаких оснований для того, чтобы настаивать на кандидатуре Родиона Николаевича, – желая подчеркнуть искренность сказанного, Ямрушков положил правую ладонь на грудь. – Я, собственно, обратился к нему только потому, что расценивал наше давнее знакомство как… хм… как залог того, что он мне не откажет. Знаете, как трудно набирается народ в комиссии? Никто не горит желанием тратить время впустую. Разумеется, это оплачивается, но овчинка явно не стоит выделки. Про гражданский долг в наше время лучше вообще не вспоминать, это ни на кого не действует. К тому же, заключение экспертов приводит к принятию определенного судебного решения, а кому охота ссориться с коллегами? Вот и приходится упрашивать, обещать какие-то плюшки, манипулировать хорошими отношениями… А что прикажете делать? Третьего члена нашей комиссии, профессора Мароцкевича из Бакулевки, я уговаривал неделю. Да какое там уговаривал! Умолял! Случай такой, что без авторитетного специалиста в области сердечно-сосудистой хирургии обойтись нельзя, а Мароцкевич работает на кафедре у Кунчулия и считается его преемником…

«А Раевский, который оперировал умершего пациента – один из учеников Кунчулия, – мысленно отметил Данилов и тут же одернул себя: – Не ищи шерсть в курином яйце, Вова! Все мало-мальски известные сосудистые хирурги в нашей стране в той или иной степени являются учениками Левана Кунчулия, основоположника и корифея».

– Он согласился только ради того, чтобы я от него отстал, – Ямрушков закатил глаза и покачал головой, словно сетуя на людскую несознательность. – Так и сказал: проще один раз уступить тебе, чем каждый день отказывать. А вы как настроены, Владимир Александрович? По глазам вижу, что желанием не горите, но надеюсь, что долго уговаривать вас не придется, у нас сроки.

– Уговаривать меня не нужно, – ответил Данилов, – только сразу хочу уточнить, что я не столько анестезиолог, сколько реаниматолог. Начинал на «скорой», потом много где работал, но анестезиология никогда не была моим «коньком»…

– Вот и хорошо! – оживился Ямрушков. – Значит у вас нет той корпоративной предубежденности против хирургов, которая формируется у всех анестезиологов на первом же году работы. Наш мир стоит на противоречиях между взаимосвязанными противоположностями – между мужчинами и женщинами, между молодежью и стариками, между хирургами и анестезиологами… И никуда от этого не деться. Но эксперт должен быть выше всего этого. Вы с аппаратурой знакомы? «Вентилятор» от «насоса»[5] отличаете? Конструктивные особенности знаете?

Данилов кивнул и сдержанно улыбнулся, давая понять, что оценил шутку. Впрочем, у человека, знакомого с доцентом Савельевым, такие вопросы могли возникнуть и всерьез.

– Вот и хорошо! – повторил Ямрушков. – Я вам честно скажу, Владимир Александрович, что эксперт не обязательно должен быть семи пядей во лбу и обладать всеми мыслимыми и немыслимыми регалиями. Нужен сведущий опытный человек, дотошный и объективный. У вас с этими качествами все в порядке?

– Надеюсь, что да, – скромно ответил Данилов, которого жена часто называла «всезнайкой» и «занудой».

– С фигурантами дела вы лично не знакомы? Это профессор Раевский, его ассистенты доцент Синявин и врач кардиохирургического отделения Шихранов, а также анестезиолог Сапрошин.

– Нет, ни с кем не знаком. О Раевском, правда, слышал.

---

[5] «Насос» – жаргонное название аппарата искусственного кровообращения.

– Да кто же о нем не слышал! – всплеснул пухлыми руками Ямрушков. – Светило! Знаменитость! Второй Кунчулия! И умен, как никто. В свое время все удивлялись тому, что он по собственному желанию ушел в сто восьмую больницу, руководить крошечным филиалом кафедры, несмотря на то что мог остаться в Бакулевке. Но Раевский рассудил правильно. Известно же, что лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе. В Бакулевке он был бы одним из многих, между нами говоря – далеко не первым среди равных, а в сто восьмой он – царь и бог! Не место красит человека, а правильный выбор места!

Произнеся последнюю фразу, Ямрушков обвел взглядом стены своего кабинета и хлопнул ладонями по подлокотникам кресла. Намек был более, чем ясным – не смотрите, уважаемый, что я здесь только профессор, зрите в корень, я тоже царь и первый после Бога!

– Вы со мной согласны, Владимир Александрович?

Данилов снова кивнул, хотя на самом деле он считал более правильным канонический вариант пословицы, согласно которому человек красит место.

– В принципе-то дело простое… – Ямрушков дважды прикоснулся кончиками пальцев правой руки к губам. – Молчу! Молчу! Сначала нужно чтобы вашу кандидатуру утвердила Лариса Вениаминовна, которая рассматривает дело в суде, а затем мы соберемся втроем, сядем рядком, да поговорим ладком, то есть все изучим и обсудим. Никаких подвигов от вас не потребуется. Просто изучите материалы и сообщите свое мнение. Вопросов немного, дело не такое уж и пухлое, так что смею надеяться на то, что мы ограничимся двумя заседаниями. На первом вы получите материалы, а на втором мы выработаем заключение. Собираться станем после работы, чтобы не огорчать нашего уважаемого Владислава Петровича…

«Сильно, однако, тебя задело, – констатировал Данилов. – За пять минут – уже вторая шпилька в адрес шефа. И явно с расчетом на то, что я ему обе шпильки передам… Перебьешься, я тебе не почтальон».

К своему шефу Данилов относился без восторгов и пиетета, но с уважением. Нормальный, в целом, начальник, попадались и хуже, гораздо хуже.

– Да и у меня, признаюсь, дел выше крыши, так что спокойно поговорить можно только после шести часов вечера, – продолжал Ямрушков. – Надеюсь, что у вас после работы нет каких-либо неотложных дел?

– Абсолютно никаких, – заверил Данилов.

– Тогда я, как председатель экспертной комиссии, должен официально спросить согласны ли вы принять участие в ее работе? – Ямрушковиспытующе прищурился. – Только учтите, что коней на переправе не меняют. Если уж согласились, то согласились и работаете. Возможно, вам придется выступить на судебном заседании. Обычно это делаю я, но разные бывают ситуации. Тут уж, как говорится, все дела пускаются побоку, потому что из-за вашей занятости никто заседание переносить не станет. Возможно, у суда возникнут новые вопросы и дело затянется. Но тут уж, как говорится – коль взялся за гуж, не говори, что не дюж…

Данилов кивком подтвердил свою готовность сражаться до победного конца.

– И вот еще что, Владимир Александрович… – голос Ямрушкова заметно построжал. – В нашем с вами случае вопрос звучит так: «Кто виноват?». Ваше мнение кого-то оправдывает, а кого-то обвиняет, нейтралитет в данном случае соблюсти невозможно. Имейте, пожалуйста, это в виду, чтобы потом я не выслушивал рефлексий на тему: «ну как же я могу обвинить коллегу?». Можете! И должны, если уж взялись разбираться в ситуации! Или вообще не беритесь. Могу дать совет – относитесь к делу как к логической задаче, абстрагируясь от конкретных личностей. Так проще.

Данилов подумал, что вряд ли уместно решать судьбу человека, абстрагируясь от его личности, но с Ямрушковым своими сомнениями делиться не стал.

– Я все понимаю, Валентин Семенович, и готов участвовать, – сказал он.

– Вот и хорошо! – видимо, это выражение явно было у Ямрушкова одним из любимых. – Полдела сделано, осталось произвести хорошее впечатление на Ларису Вениаминовну. Но я уверен, что у вас это получится!

– Вообще-то я не мастер производить впечатление, – признался Данилов. – Да и зачем? Я же не свататься собираюсь.

– К словам станете придираться, когда будете читать материалы! – хохотнул собеседник. – Хорошо, скажу иначе – станете придираться, если Лариса Вениаминовнасочтет вашу кандидатуру подходящей. Приготовьтесь к тому, что она станет интересоваться вашей биографией, начиная с детского сада. Это я, варящийся в одном котле с вами, ради экономии времени заранее собрал о вас сведения и потому лишних вопросов не задавал. А Лариса Вениаминовна начнет с чистого листа. Кстати говоря, она считает себя знатоком психологии, так что не удивляйтесь, если некоторые вопросы покажутся вам странными…

Судья Тимирязевского районного суда Лариса Вениаминовна Подолячко старалась выглядеть лет на двадцать моложе своих законных, что было хорошо, поскольку возрасту поддаваться не следует, но при этом сильно перегибала палку, что было не очень хорошо, потому что все хорошо в меру. В первый момент Данилов подумал, что застал за столом в кабинете судьи какую-нибудь стажершу или курьершу, уж больно эта платиновая розовощекая куколка не соответствовала облику судьи. Но куколка властным хозяйским жестом пригласила его войти, а вблизи оказалось, что ей не меньше сорока пяти лет (это Данилов определил по рукам и сети морщин вокруг глаз).

Первый вопрос слегка озадачил Данилова.

– Семья у вас есть? – спросила Лариса Вениаминовна, пристально глядя прямо в глаза Данилову.

Ее низкий хрипловатый голос заядлой курильщицы совершенно не сочетался с кукольным обликом, впрочем, как и холодный испытующий взгляд.

– Есть, – кивнул Данилов. – Жена, взрослый сын, дочь-школьница.

– Это хорошо, – одобрила Лариса Вениаминовна. – Наличие семьи – показатель серьезности человека. А эксперт, от заключения которого зависит судьба человека, должен быть серьезным.

Кукольный облик дамы среднего возраста нельзя расценивать как признак недалекости. Мало ли, как человек видит себя? У каждого из нас есть свои представления о прекрасном. А вот склонность к изречению прописных истин признаком ума никогда не считалась, и совершенно справедливо не считалась. Хотя, может это у нее стиль такой – сначала косит под недалекую дуру, а потом как схватит собеседника за жабры… Впрочем, зачем ей притворяться? Она же не следователь, а судья, ей за жабры хватать незачем.

Далее Лариса Вениаминовна поинтересовалась только анкетными данными Данилова, его стажем и продолжительностью работы на кафедре, а затем начала интересоваться знакомствами с причастными к рассматриваемому делу и с администрацией больницы имени Филомафитского. Смотрела она при этом так холодно, что Данилов чувствовал себя партизаном, попавшим на допрос в гестапо.

– Медицинский мир тесен, – сказал Данилов как бы между прочим. – Можно сказать, что мне повезло с отсутствием знакомых в больнице.

– Факт личного знакомства, в отличие от родства, препятствием не является, – ответила судья. – Но может служить основанием для обвинения в необъективности. Адвокаты хватаются за любую соломинку.

Закончив со знакомствами, Лариса Вениаминовна перешла к психологии.

– Скажите, а как вы относитесь к тому, что врачей привлекают к суду за их профессиональные ошибки? – спросила она. – Все люди ошибаются, но ведь не всех судят?

– Ошибка ошибке рознь и цены у ошибок разные, – ответил Данилов. – Водителя автобуса или, скажем, строителя, тоже могут судить, если в результате их ошибок кто-то погиб или получил увечье.

– Водители – дело другое, – возразила собеседница. – Их ошибки являются следствием нарушения правил дорожного движения и должностных инструкций. А у врачей работа сложная и в ней всегда присутствует элемент риска. Вот у вас лично умирали пациенты?

– Было дело.

Почему-то из всех смертей Данилов первой вспомнил Ольгу, врача-травматолога из Склифа, с которой он когда-то очень близко дружил. Воспоминание оказалось настолько болезненным, что отразилось на лице.

– Я просто интересуюсь, – поспешно сказала Лариса Вениаминовна. – Человек, переживший несчастье, лучше понимает другого человека, оказавшегося в таком же положении. Я назначила повторную комиссионную экспертизу не ради развлечения, а для того, чтобы разобраться и понять, по чьей вине умер пациент. Все указывает на анестезиолога, но он категорически не признает свою вину. Подобную упертость обычно можно наблюдать у отъявленных рецидивистов и криминальных авторитетов, которые никогда ни в чем не признаются, пока их не припрут к стенке. Но подобное поведение врача, человека без криминального прошлого, меня, честно говоря, удивляет. Впрочем, забудьте то, что я сейчас сказала, потому что я не должна была делиться с вами своими соображениями! Сама не знаю, что на меня нашло.

«Находит на юных восторженных дев, а не на опытных чиновниц, да к тому же и судей, – подумал Данилов. – Темнишь, подруга, комедию ломаешь! Стремишься произвести впечатление человека в поисках истины… Зачем? Для того, чтобы я написал об этом в своем бложике?».

Дальше было скучно. Лариса Вениаминовна быстро заполнила постановление о признании Данилова экспертом, разъяснила ему права и обязанности, а затем торжественным голосом зачитала триста седьмую статью Уголовного кодекса, согласно которой за заведомо ложное заключение Данилову грозили разные кары, начиная со штрафа и заканчивая двумя годами исправительных работ. Финальным аккордом стало заключение договора о возмездном оказании услуг с Тимирязевским районным судом.

В общей сложности Данилов провел в суде три с половиной часа и невероятно устал от всего этого бюрократического занудства. Но занудство совершалось в рабочее время, к тому же шеф отпустил Данилова на весь день, так что роптать не было повода.

Выйдя из здания суда, Данилов позвонил Ямрушкову и сообщил, что он «выдержал экзамен». Профессор откликнулся своим обычным «вот и хорошо!» и назначил первое заседание экспертной комиссии на завтрашний день.

«Девятнадцатого августа в девятнадцать часов», машинально отметил в уме Данилов, никогда не увлекавшийся магией чисел.

Часы показывали половину четвертого. Домой в такую рань не тянуло, да и день выдался приятный, не слишком жаркий, так что Данилов решил прогуляться по ВДНХ, благо находился неподалеку от этого благословенного и памятного ему места. Когда-то давно, целую вечность назад, у фонтана «Золотой колос», не работавшего в ту пору, Данилов впервые поцеловал любимую девушку, которая впоследствии вышла замуж за другого мужчину, но жизнь эту ошибку исправила, столкнув влюбленных лбами на шестьдесят второй подстанции скорой помощи…

«Золотой колос», обрамленный маленькой радугой, сиял под солнцем так, что на него нельзя было смотреть. Патлатый юноша, похожий на молодого Джона Леннона, рассказывал группе слушателей историю фонтана. Прислушавшись, Данилов узнал, что нынешний железобетонный фонтан представляет собой обновленную версию первозданного, медного, построенного к открытию выставки и демонтированного в 1949 году. «Совсем как у нас с Еленой, – подумал Данилов. – Было – закончилось – возродилось…».

Откуда-то сбоку доносился дразнящий аромат жареного на углях мяса, но Данилов был москвичом, а у москвичей посещение Выставки неразрывно связано с пончиками, которыми их в детстве угощали здесь родители или дедушки с бабушками. Разумеется, Данилов не мог нарушить эту славную традицию. Решительно проигнорировав соблазнительные мясные запахи, он направился за пончиками, а для того чтобы впечатление было исчерпывающе полным, подкрепился по дороге эскимошкой (несмотря ни на что, москвичи знают, верят и помнят, что самое вкусное мороженое в стране продается на ВДНХ).

Пончики оказались теми самыми, со вкусом детства и волшебной способностью исчезать в мгновение ока. Данилов купил большой пакет, чтобы порадовать не только себя, но и домашних, но по дороге к метро незаметно для себя самого слопал все подчистую, до последнего пончика, пытавшегося спрятаться от его безжалостной руки в углу пакета. Добрая мысля о том, что надо было брать больше, причем в двух пакетах, пришла слишком поздно. Возвращаться не хотелось, да и вообще Данилов не любил возвращаться, и потому он поспешил успокоить себя тем, что Елена, вечно сидящая на похудательных диетах, все равно не стала бы есть пончики, а Мария Владимировна больше обрадуется тортику, вроде «Птичьего молока» или «Праги»…

За ужином Данилов сообщил жене и дочери новость.

– Вау, как интересно! – восхитилась дочь. – А с тобой на суд сходить можно? Я тихонечко в уголке посижу…

– Посторонним там делать нечего, – строгим тоном ответил Данилов, – да и я не уверен, что стану выступать на суде. Пока что речь идет о даче заключения, в письменной форме.

– А почему тебе не дали охрану? – Мария Владимировна озадаченно нахмурилась. – Или тебя охраняют незаметно?

– Экспертам конвой не положен, только подсудимым, – отшутился Данилов.

– Ну как же не положен? – растерялась дочь. – А вдруг мафия захочет похитить нас с мамой, чтобы вынудить тебя дать неверное заключение?

– Мария, что за каша у тебя в голове?! – возмутилась Елена. – Какая мафия?! Папа будет оценивать случай в больнице, чтобы установить, кто из врачей совершил ошибку…

– А медицинская мафия – самая страшная! – парировала дочь. – И не спорь, пожалуйста! Ты сама об этом говорила!

– Яблочко от яблони… – проворчала себе под нос Елена, но развивать тему сходства дочери с отцом не стала.

– Живи спокойно, – сказал дочери Данилов. – Никто тебя не похитит, ну разве что только какой-нибудь влюбленный юноша…

– …посадит на белого коня и увезет во дворец! – подхватила дочь. – Романтика-фигантика! Папа, извини, конечно, но ты ужасно старомодный, совсем как музейный экспонат!

– Ты что, Маша?! – упрекнула Елена. – Во-первых, сравнивать родителей с музейными экспонатами невежливо. А, во-вторых, твой папа юн душой и сердцем молод. Это он тебе советует жить спокойно, а самого так и тянет на приключения, как мальчишку!

– Сравнивать взрослого мужчину, тем более – доцента, с мальчишкой невежливо! – заметила Мария Владимировна, в точности копируя назидательный тон матери.

– Яблочко от яблони, – сказал Данилов, переводя взгляд с дочери на жену.

Глава третья. Absente aegroto

Заседание экспертной комиссии проходило в непринужденной обстановке и больше напоминало общение старых приятелей, нежели деловую встречу. Расположились в креслах за низким круглым столом. «Ну совсем как рыцари короля Артура», подумал Данилов. Ямрушков собственноручно приготовил кофе в кофеварке, выставил в центр стола вазочку со сладостями и гостеприимно распахнул дверцу одного из книжных шкафов, явив взорам гостей мини-бар, к которому за все время никто так и не подошел. Но, как говорится – была бы честь предложена.

Профессор Мароцкевич из Бакулевки оказался довольно приятным в общении человеком. Узнав о том, что Данилов начинал на «скорой», вспомнил, как в студенчестве подрабатывал фельдшером на семнадцатой подстанции и сразу же начал искать общих знакомых, которых набралось около десятка. А Ямрушков в тему поведал о том, как в ординатуре ему дважды приходилось «бодаться» со «скориками», привозившими в морг живых людей. Данилов и Мароцкевич при этом понимающе переглянулись – да, попадались на «скорой» деятели, брезговавшие осматривать бомжей и подобных им личностей, лежащих бездыханными на улице. Пнут разок и если лежащий не пошевелится и не издаст каких-либо звуков, то везут в морг. Хорошо, если в салоне «пассажир» как-то обозначит свою принадлежность к миру живых. В этом случае его доставят в больницу. Но если он будет вести себя тихо, то так и доедет до морга, а вот там начнутся проблемы…

В самом начале работы Данилова на «скорой» произошел совершенно дикий случай, показывавший, насколько деградировала служба скорой помощи в лихие девяностые годы, когда на шестой части земли царил тотальный бардак. Бригада четвертой подстанции (причем – врачебная, а не фельдшерская!) привезла во второй судебно-медицинский морг, находящийся в переулке Хользунова, взятого с улицы бомжа. Вышло так, что на входе образовалась очередь из машин скорой помощи. Такое нередко случается в вечерние пиковые часы, особенно если прием трупов ведет не слишком расторопный санитар. Терять время в очереди бригаде не хотелось. Они перегрузили труп на каталку, сунули ему под руку сопроводительный лист, подкатили каталку поближе к входным дверям и уехали, не забыв спросить у «отстрелявшейся» бригады фамилию принимающего санитара, которую нужно указывать в карте вызова. Расписался за принимающего врач, обычная, надо сказать, практика.

Подобная «махновщина» могла бы и сойти с рук, потому что подписи принимающих на картах никто не сличал. Заведующие подстанциями и старшие врачи обращали внимание лишь на то, чтобы рядом с фамилией принимающего была бы какая-нибудь закорючка. Но на этот раз не прокатило. По трем причинам. Во-первых, покойник на момент прибытия к дверям морга на был жив и умер только спустя шесть часов. Во-вторых, то ли по запарке, то ли из пофигизма, до семи часов утра ни дежурный санитар, ни охранник, не обратили внимания на стоявшую на улице каталку, тем более что она переместилась немного в сторону – то ли сама откатилась, то ли кто-то передвинул. Скорее всего, ребята напились до такого просветленного состояния, когда не хочется обращать внимания на «посторонние мелочи» вроде каталок и лежащих на них тел. В-третьих, у дежурного санитара хватило ума на то, чтобы не оформлять найденный перед окончанием дежурства труп задним числом, а вызвать наряд милиции. А мог бы и оформить, вредина…

По скоропомощным документам труп проходил, как сданный в морг в среду, в двадцать один час восемнадцать минут, а прибывший для осмотра судмедэксперт определил время смерти между тремя и четырьмя часами четверга.

В принципе, дело могли бы спустить на тормозах (в те времена и не такое спускали), но тогдашнего главного врача был огромный зуб на заведующего четвертой подстанцией Силерского, который пытался «выйти в ферзи» наиболее простым способом – публичной крити-

кой недостатков московской скорой помощи и всей отечественной скоропомощной системы в целом. Практически ежемесячно в газете «Московский пустословец» публиковалась очередная ядовитая статья Силерского или же очередное разоблачительное интервью с ним же. Имидж «вскрывателя гнойников» служил Силерскому неплохой защитой и избавиться от него при помощи обычных придирок было невозможно. Попробуй объяви такому выговор за захламленность подстанционной территории или же за антисанитарное состояние внутренних помещений, так он погонит ответную волну, которая тебя самого смоет. А вот такой вопиющий случай, когда бригада привозит к дверям морга живого человека и оставляет умирать на улице, подделав при этом подпись принимающего санитара – это уже козырной туз, который ничем не побьешь.

Силерский слетел с заведования, а интервью на сей раз дал главный врач «скорой» – посмотрите, люди добрые, что творится на подстанциях у правдолюбцев, которые в чужом глазу любую соринку подмечают, даже несуществующую, а в своем бревен не видят. Врач с фельдшером отделались «легким испугом», то есть – условным сроком. Не пострадал только водитель, который только помог переложить якобы мертвого бомжа на каталку и вернулся на свое водительское место. Водители пациентов не осматривают и их состояние не оценивают. Они рулят и санитарят – таскают носилки и перекладывают тела, не вдаваясь в вопросы их жизнеспособности.

«Почесав языки» около десяти минут, эксперты перешли к делу.

– Я приготовил каждому из вас материалы, – Ямрушков указал взглядом на папки, сложенные в две стопки на его столе. – Но мне хотелось бы лично ввести вас в курс дела. Прошу учесть, что я стану излагать не свое мнение, а мнение следствия, сформировавшееся на основе тщательного анализа событий. От себя лишь добавлю, что следствие велось грамотно. Я знаком с Анной Анатольевной Бибер из отдела по расследованию ятрогенных[6] преступлений. Она опытная, внимательная, вдумчивая… Никогда ничего не упускает и не торопится с выводами…

– Мало было нам хлопот, так еще и «ятрогенные» отделы создали, – проворчал Мароцкевич. – А раз есть отдел, так у отдела будет план. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отделы по расследованию ятрогенных преступлений появились в Следственном комитете совсем недавно, пару лет назад. С официальной точки зрения это было сделано для блага врачей. Опытные следователи по особо важным делам (других туда брать не собирались), специализирующиеся на врачебных ошибках, должны были обеспечить квалифицированное расследование случаев из медицинской практики. Врачи восприняли нововведение настороженно. Большинство придерживалось той точки зрения, которую озвучил Мароцкевич. Увы, народ давно привык к тому, что все улучшающие нововведения на самом деле ухудшают положение медиков, а любое повышение заработной платы приводит к тому, что в мозолистые руки падает меньше денег. Парадокс? Нет, это жизнь.

– Давайте не будем передергивать, Максим Иосифович, – попросил Ямрушков, недовольно морщась. – Узкая специализация следователей идет на пользу врачам. Следователи ятрогенных отделов лучше разбираются в нашей специфике, умеют отличать добросовестные заблуждения от халатности и не стригут всех под одну гребенку по принципу: «раз пациент умер, то врач однозначно виноват». Мне, знаете ли, приходилось встречать людей, которые подходили к врачебным делам с установкой: «раз есть труп, то должен быть и подсудимый». Но нельзя же равнять смерть на столе, и вообще смерть пациента, с убийством!.. Однако, давайте перейдем к нашему делу. Шестого апреля текущего года в больнице имени Филомафитского, умер восемнадцатилетний Виталий Михайлович Хоржик, которому двадцать девятого марта было проведено протезирование аортального клапана по поводу врожденного порока. Опера-

[6] Ятрогенный – возникший по вине врача, вызванный действиями врача.

ция была плановой, пациент проходил предоперационное обследование в кардиохирургическом отделении, где находился с двадцать третьего марта. Причиной смерти Хоржика стал инфаркт мозга, вызванный воздушной эмболией ветвей левой средней мозговой артерии. Воздух, по всей вероятности, попал в кровеносную систему во время операции, потому что после нее пациент не пришел в сознание и не мог дышать самостоятельно. На аппарате он прожил восемь суток.

Ямрушков сдержано вздохнул и выдержал небольшую паузу, словно бы почтил память умершего пациента молчанием.

– По заявлению родителей Виталия было открыто уголовное дело…

– Раньше дела автоматически не открывали! – вставил Мароцкевич. – Сначала разбирались – стоит ли открывать?

– Сейчас тоже разбираются, уверяю вас, Максим Иосифович, – сухо заметил Ямрушков, явно недовольный тем, что его рассказ перебили не относящимся к делу замечанием. – Следствие вела следователь по особо важным делам Бибер. Она пришла к выводу, что в смерти пациента виновен анестезиолог Юрий Федорович Сапрошин, который использовалаппарат искусственного кровообращения с неисправным детектором пузырьков воздуха и ослаблением одной из пружин роликового насоса, вследствие чего ролики давили на трубку с разной силой, что ускорило ее износ…

«Согласно закону подлости, если неисправен пузырьковый датчик, то в систему непременно должен попасть воздух, – подумал Данилов. – Причем – наиболее коварным образом».

Ослабление одной пружины роликового насоса – это не та неисправность, которая сразу же бросается в глаза. Если пружина ослаблена несильно, то на работе насоса это практически не отразится… До тех пор, пока в трубку насоса через повреждение в стенке не начнет поступать воздух.

– Операционная медсестра Шполяк слышала, как перед началом операции медсестра-анестезист Пружникова сказала доктору Сапрошину, что детектор пузырьков воздуханеисправен, на что тот ответил: «Что же теперь – операцию откладывать? Обойдусь, не впервой»…

– Можно вопрос? – Данилов по-ученически поднял вверх правую руку.

– Вопросы можно любые, а вот суждения оставьте до следующего заседания, – ответил Ямрушков, в этот раз не высказав никакого недовольства тем, что его перебили. – Я даже знаю, о чем вы спросите. Почему операционная медсестра не сообщила об этом профессору Раевскому, собиравшемуся проводить операцию?

Данилов кивнул.

– Во-первых, с ее слов, она боялась Сапрошина, известного своим мстительным характером. Мстительность Сапрошина подтвердили врач кардиохирургического отделения Шихранов, ассистировавший Раевскому на этой операции, и старшая сестра оперблока Ткач. Если Сапрошин был кем-то недоволен, то всячески старался испортить этому человеку жизнь. Подробности вы можете прочесть в материалах. Во-вторых, она понадеялась, что Раевскому скажет о неисправном датчике сама Пружникова. Короче говоря, Шполяк пожелала остаться в стороне, но на допросе у следователя рассказала об этом. Что же касается Пружниковой, то она десятого апреля была госпитализирована с коронавирусной пневмонией в «Коммунарку» и скончалась там двадцать третьего апреля. Следователь с Пружниковой не встречалась, а Сапрошин утверждает, что датчик был исправным и ничего подобного Пружникова ему не говорила. С юридической точки зрения, его слова «весят» столько же, сколько и слова Шполяк, но есть одно обстоятельство, позволяющее внести ясность. Согласно акту технического состояния, у аппарата искусственного кровообращения, использовавшегося во время операции, выявлено повреждение трубки, вызванное неисправностью роликового насоса…

– Лично я не могу понять, зачем понадобилась повторная экспертиза! – сказал Мароцкевич, недоуменно разводя руками. – Дело совершенно ясное. Не бином Ньютона и не загадка Эдвина Друда.

– Давайте будем делать выводы после ознакомления с материалами, – мягко, но в то же время настойчиво, попросил Ямрушков. – Сапрошин категорически отрицает свою вину. Он считает, что воздух попал в сосуды по вине хирургов, и нам с вами предстоит дать окончательный ответ на вопрос: «кто виноват?». Как говорится, одна экспертиза хорошо, а две – лучше. Что же касается вопроса «зачем», то вспомните дело Мисюриной, которую Черемушкинский суд приговорил к двум годам лишения свободы, а спустя полтора месяца Московский городской суд отменил приговор ввиду отсутствия состава преступления.[7] Ларисе Вениаминовне, которая рассматривает это дело в суде, хочется подстраховаться по максимуму, – Ямрушков иронично усмехнулся, давая понять, что ничего другого ожидать не стоило. – И мы с вами, уважаемые коллеги, должны обеспечить ей эту страховку. Роли в нашей комиссии распределяются следующим образом. Максим Иосифович изучает материалы с точки зрения хирурга, Владимир Александрович – с точки зрения анестезиолога, а я – с точки зрения судмедэксперта. Прошу понять меня правильно, коллеги. Максим Иосифович не должен стараться всячески защищать хирургов, а Владимир Александрович – анестезиолога. Мне нужны ваши непредвзятые, объективные оценки. Не надо настраивать себя на то, что дело простое. Начинайте с чистого листа и помните, что цена вопроса – пять лет лишения свободы.

– Что так много?! – удивился Мароцкевич.

– Вообще-то там, – Ямрушков на мгновение закатил глаза кверху, – нет установки отправлять всех врачей на нары. Установка другая – ничего никому не спускать, но на первый раз наказывать мягко, желательно – условно. Первоначально Сапрошин обвинялся по части второй сто девятой статьи Уголовного кодекса «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей». Но в ходе следствия обвинение было переквалифицировано на часть вторую двести девяносто третьей статьи «Халатность», более тяжелой. Максимальное наказание по ней составляет до пяти лет лишения свободы, и я могу предположить, что если вина Сапрошина будет доказана, то условным сроком он не отделается. Условное наказание обычно получают те, кто раскаялся, пытается хоть как-то искупить свою вину и не создает проблем следствию и суду…

– Простите, но как можно искупить вину в случае смерти пациента? – спросил Данилов. – Человека же не воскресить…

– Но можно хотя бы компенсировать его родственникам расходы на похороны или просто выплатить им какую-нибудь значимую сумму, – пояснил Ямрушков. – Суды принимают во внимание подобные жесты. Но все начинается с признания вины. Мой вам совет, коллеги – если вы когда-нибудь серьезно ошибетесь, дай Бог, чтобы такого не случилось, – Ямрушков постучал костяшками пальцев по столу, – то сразу же признавайте свою вину, кайтесь и пытайтесь сделать что-то хорошее для тех, кому вы причинили боль. Я знаю случаи, когда подобное разумное поведение приводило к досудебному прекращению уголовных дел…

Мароцкевич усмехнулся, поднял правую руку и выразительно потер большим пальцем об указательный.

– Если вопросов больше нет, то давайте заканчивать, – предложил Ямрушков, проигнорировав намек. – И помните, пожалуйста, наше главное правило «absente aegroto».[8] Ни с кем из причастных к делу вам общаться не следует, а выяснять у них что-то – тем более. Единствен-

---

[7] Речь идет о судебном процессе над врачом-гематологом, руководителем Гематологической службы ГКБ № 52 Еленой Мисюриной, которая 22 января 2018 года была приговорена Черемушкинским районным судом к двум годам лишения свободы по пункту «в», части 2, статьи 238 УК РФ «Оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть человека».

[8] «В отсутствие больного» (лат.) то есть – не при больном.

ный источник информации – материалы дела. Суд поставил перед нами пятнадцать вопросов, главными из которых являются два: «состоят ли дефекты оказания медицинской помощи Виталию Хоржику в причинно-следственной связи с наступившей смертью пациента?» и «если состоят, то кем допущены эти дефекты?».

Вручая Данилову две увесистые папки с материалами и флешку с отсканированными документами, Ямрушков сказал:

– Вы, Владимир Александрович, впервые выступаете в роли эксперта и у вас непременно возникнет много вопросов, иначе и быть не может. На вопросы лучше получать ответы сразу же, не откладывая в долгий ящик. Пишите мне, не стесняйтесь. Я всегда говорю, что лучше задать десять ненужных вопросов, чем не задать один нужный. А если возникнет необходимость переговорить, то звоните мне в любой день с девяти часов вечера до половины одиннадцатого, это наиболее удобное время для общения при моем напряженном графике. К Максиму Иосифовичу вы тоже можете обращаться, если понадобится прояснить какой-нибудь хирургический вопрос. Только уговор – мнениями друг с другом до следующего заседания не обмениваться, ладно?

– Хорошо, что напомнили! – спохватился Мароцкевич, доставая из внутреннего кармана пиджака кожаную визитницу с тисненым вензелем «ММ». – Мы же с вами, Владимир Александрович, не обменялись координатами. Мне тоже лучше звонить по вечерам, после семи…

Визитная карточка Мароцкевича была впечатляющей – плотная бумага, много золотых букв, трехцветный логотип Бакулевки. Никакого сравнения с простецкой визиткой доцента Данилова, без золота и логотипов.

Совершив обмен карточками, Данилов подумал, что Мароцкевичу он звонить не станет. В протоколе операции сам как-нибудь разберется, а если понадобится консультация, так ее можно и у знакомых хирургов получить, не раскрывая имен и обстоятельств.

– Как прошел совет в Филях? – поинтересовалась Елена, когда Данилов уничтожал яичницу с беконом и помидорами.

Яичница была приготовлена по рецепту бабушки доцента Саакова, шеф-повара ресторана «Восток», который Сааков называл «самым вкусным местом советской Москвы». Секрет заключался в том, чтобы долго выжаривать воду из очищенных от шкурки помидоров, а затем добавить загустевшую массу к поджаренному на другой сковороде бекону и тут же залить яичной смесью с небольшим добавлением молока. Мария Владимировна удивлялась – зачем готовить на двух сковородках то, что можно приготовить на одной? Данилов на это отвечал, что правило «чем проще – тем лучше» в кулинарии не работает. В простоте можно дойти до того, чтобы выпить три яйца, закусить их помидором, а напоследок съесть ломтик бекона. Но ведь эффект будет совсем не тот, что от яичницы Сусанны Христофоровны (так звали сааковскую бабушку).

– Нормально прошел, – ответил Данилов. – Решили оставить Москву, чтобы сохранить армию.

– А если серьезно?

– Серьезное лежит в прихожей на тумбочке – три папки с бумагами, которые мне предстоит изучить.

– И сколько всего человек в вашей комиссии?

– Кроме меня еще двое – судмедэксперт и сосудистый хирург.

– Я уверена, что твое мнение не совпадет с их мнениями, – Елена понимающе хмыкнула. – Значит расклад будет «два против одного».

– Удивительный ты человек! – восхитился Данилов. – Не знаешь обстоятельств, не знаешь людей, но уже знаешь, что мое мнение не совпадет с их мнениями. Слушай, Лен, а чего ты на бирже не играешь с такими провидческими талантами?

– Нет у меня никаких провидческих талантов, – вздохнула Елена. – Просто я очень хорошо тебя знаю, Данилов. Сколько лет мы с тобой знакомы?

– Лучше не вспоминать, – ответил Данилов и приналег на яичницу.

Слова жены немного покоробили. Данилов всегда считал себя объективным человеком, а не «поперечником», которому важно иметь мнение, отличное от мнения других, но не обязательно правильное. И особенно обидно, когда «поперечником» считают тебя близкие. Но развивать тему «я не такой» не хотелось. Хотелось выпить в завершение ужина пару чашек крепкого кофе и на сон грядущий, приходу которого кофе совершенно не препятствовал, полистать полученные от Ямрушкова материалы.

Глава четвертая. Сомнение

Знакомство с материалами увлекло настолько, что Данилов просидел в гостиной до рассвета. Читал, размышлял, перечитывал, снова размышлял… Кто бы мог подумать, что чтение сухих, отдающих казенщиной документов, может увлечь сильнее любого детектива? Однако же вот – увлекло.

В детективах обычно присутствуют два вопроса: «кто преступник?» и «каковы были его мотивы?», а у суда их набралось полтора десятка.

Правильно ли был поставлен диагноз пациенту Хоржику В. М. при его госпитализации в больницу имени Филомафитского и дополнительном обследовании в стационарных условиях?…

Ах, если бы все вопросы, на которые предстояло ответить, были бы такими простыми! Да – диагноз был поставлен правильно. Это подтверждают и данные прижизненного обследования и выявленные при вскрытии тела Хоржика признаки, характерные для недостаточности аортального клапана[9]– увеличение полости левого желудочка и растяжение устья аорты.

Является ли диагноз, установленный Хоржику абсолютным показанием к оперативному вмешательству – протезированию аортального клапана?…

А вот на этот вопрос ответить однозначно уже не получится. С одной стороны – да, являлся, конечно же являлся и не мог не являться! Но с другой – парень в целом чувствовал себя неплохо, учился в приборостроительном техникуме, дважды в неделю посещал бассейн, поднимался на третий этаж без одышки… Да, когда-нибудь в отдаленном будущем клапанная недостаточность могла бы заявить о себе «в полный голос», но то было бы в отдаленном будущем. А теперь у Виталия никакого будущего нет.

Судя по истории болезни, не было экстренной необходимости делать операцию именно сейчас… Но давайте представим такую ситуацию. Кардиолог из диспансера говорит пациенту, который внутренне настроен на операцию, что операция ему пока не требуется. А спустя месяц-другой у пациента развивается бактериальный эндокардит.[10] Известно же, что «дефективные» клапаны более подвержены инфекционному поражению. Эндокардит – весьма опасное заболевание. Даже в наше просвещенное время от него умирает в среднем каждый третий пациент.

Человек умер от эндокардита, родственники написали жалобу на врача, который отсоветовал ему оперироваться, а следователь нашел в амбулаторной карте умершего фразу: «В настоящее время оперативное лечение не показано»… Что будет с кардиологом, недооценившим опасность заболевания и не подумавшем о последствиях? Сядет на скамью подсудимых! Как пить дать сядет! С учетом возможных осложнений, поставленный Хоржику диагноз являлся абсолютным показанием к оперативному вмешательству, суть которого заключалась в протезировании аортального клапана. Врач всегда должен думать о возможных осложнениях и исходить в своих прогнозах из худшего.

На каком этапе операции, согласно истории болезни, а именно – при работающем или неработающем аппарате искусственного кровообращения могло произойти попадание воздуха в сердечно-сосудистую систему Хоржика?…

---

[9] Недостаточностью аортального клапана называется патологическое состояние, при котором створки аортального клапана сердца, не закрываются плотно, что позволяет крови течь в обратном направлении – из аорты в левый желудочек. Обратный заброс крови не позволяет сердцу эффективно выполнять свою насосную функцию. В результате у пациента возникает одышка даже при слабых физических нагрузках, развивается быстрая утомляемость, могут возникать приступы головокружения, наблюдаются обмороки.

[10] Эндокардит – эндокарда, воспаление внутренней оболочки сердца.

А вот это, пардон, неверная постановка вопроса. Судье должно быть хорошо известно, что в истории болезни такой факт не отражен. Правильнее было бы спросить так: «возможно ли установить по истории болезни на каком этапе операции могло произойти попадание воздуха в сердечно-сосудистую систему?».

Были ли в ходе операции, производимой Хоржику, допущены дефекты оказания медицинской помощи, если да, то какие и кем?…

А вот здесь непременно нужно было добавить «согласно истории болезни», иначе вопрос провоцирует экспертов выйти за пределы медицинской документации и использовать стороннюю информацию, вроде слов медсестры о испорченном датчике. А это уже дело суда, эксперты работают с историей болезни и прочей медицинской документацией.

Ложиться спать в шестом часу утра для того, чтобы встать в семь было глупо. К тому же организм отреагировал на бессонную ночь совершенно спокойно, без тяжести в голове и ощущения разбитости. Отмечалась только легкая вялость, которая прошла после чашки крепчайшего кофе и холодного душа. «Есть еще порох в пороховницах!» – с удовлетворением подумал Данилов, ожесточенно растираясь полотенцем.

«Одно дело в кресле с бумажками ночь просидеть и совсем другое в машине по вызовам мотаться или в реанимационном зале пахать!» – тут же откликнулся внутренний голос. В полемику с ним Данилов вступать не стал. Голос и без того знал, что напряженная умственная работа изматывает не меньше физической, а выступал по привычке, из вредности.

Во время знакомства с материалами Данилов несколько раз помянул добрым словом Ямрушкова за его «вводную лекцию». Наличие общего представления о деле существенно облегчало знакомство с ним. Самые важные моменты Данилов выписывал в тетрадку, украденную в ночи из письменного стола Марии Владимировны (надо же – не сообразил заранее, что кое-что может захотеться записать).

В кабинете, на столе Данилова ждал сюрприз – два диска с советским сериалом «Следствие ведут знатоки». Диски были контрафактными или, говоря московским языком – «савеловскими», потому что когда-то такая продукция массово продавалась на Савеловском рынке.

По давно установившейся традиции любая шутка требовала ответа. Данилов распечатал текст статьи семь-двенадцать административного кодекса, предусматривающей наказание за нарушение авторских и смежных прав и выделил маркером слова «влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч рублей». Распечатку и диски Данилов отнес в приемную шефа, в углу которой стоял стеллаж с «почтовыми» ячейками сотрудников, и положил в ячейку доцента Саакова.

«Знатоки», к слову будь сказано, нравились Данилову избирательно. Он любил пересматривать сюжеты про городскую свалку, про овощную базу, про художников и про начальника ДЭЗа, а остальные игнорировал.

Начиная с трех часов, сотрудники начали потихоньку растворяться в пространстве – одним не терпелось пораньше начать праздновать пятницу, а другие собирались ехать на свои дачи. Дурной пример заразителен и действует даже на самых стойких – Данилов покинул кафедру на полчаса раньше положенного, благодаря чему успел доехать до дома без особой толкотни.

Елена не переставала удивляться тому, что Данилов предпочитает некомфортные поездки на общественном транспорте («толкотня, запахи – фу!») комфортному передвижению на автомобиле. Данилов на это отвечал, что по Москве с ее вечными пробками на общественном транспорте передвигаться гораздо быстрее, чем на автомобиле. Особенно сейчас, когда к Центральному кольцу добавились Центральные диаметры. Да – в транспорте присутствуют некоторые запахи. Как говорил недоброй памяти доктор Сафонов, с которым Данилов когда-то имел несчастье работать на одной подстанции, «люди – не розы, чтобы приятно пахнуть» (даже дураки могут иногда выражаться умно и красиво). Но, с другой стороны, на дорогах тоже есть

запахи. Каким бы крутым не был бы твой автомобиль, в той или иной степени выхлопных газов в пробке ты нанюхаешься. Кроме того, пешеход свободен как птица – если с одним видом транспорта возникла проблема, то можно выбрать другой. А вот водитель привязан к своей жестянке накрепко. О каком комфорте тут может быть речь? А как нервирует поиск места для парковки? Опять же, в наш гиподинамический век очень полезно ежедневно проходить пешком хотя бы пару километров – от дома до метро, от метро до работы и обратно. Хоть какое-то движение…

Мария Владимировна однажды во время привычной родительской дискуссии сказала, что на машине ездить престижнее. Данилов на это ответил, что проблема престижности никогда его не волновала и посоветовал дочери почитать «Размышления» римского императора Марка Аврелия. Сказал наобум, просто к слову пришлось, но дотошный ребенок последовал совету и всерьез увлекся стоицизмом, как самой полезной жизненной философией. Узнав, что дочь читает Эпиктета, Елена немного озадачилась – не слишком ли это серьезно для подросткового возраста. Но еще сильнее она озадачилась, когда в ответ на вопрос: «чем будешь заниматься после ужина», Маша ответила:

– Займусь самосовершенствованием. Стану представлять, что вы с папой умерли, Никиту забрали в армию, а я осталась совсем одна.

Елена застыла, вытаращив глаза на дочь. Данилов махнул дочери рукой – вали самосовершенствоваться! – а сам объяснил жене, что мысли об утрате чего-то дорогого помогают сильнее ценить это дорогое и увеличивают радость от того, что оно у тебя есть. Опять же, все мы смертны и рано или поздно, как выражается Полянский «через сто двадцать лет», Мария Владимировна останется без родителей. Она должна быть внутренне готова к этому и должна понимать, что с уходом родителей ее жизнь не заканчивается. Так учили Эпиктет, Марк Аврелий и Сенека Младший. Елена на это ответила, что Маша еще ребенок, а Эпиктету и всей его компашке неплохо было бы показаться психиатру. Данилов хотел сказать, что они сами себе были психиатрами и психотерапевтами, но, посмотрев в глаза жены, перевел разговор на Машины школьные успехи. Эта тема в любой ситуации мгновенно переключала жену в режим хорошего настроения – какая мать не гордится успехами своих детей? Стоитические практики Мария Владимировна впредь обсуждала только с отцом.

Вечером в пятницу Данилов просидел над материалами до половины двенадцатого. Дважды ткнувшись лицом в бумаги, он решил, что на сегодня достаточно, тем более что завтра этому делу можно будет посвятить весь день.

В субботу около шести часов вечера Данилов понял, что ему пора отдохнуть. Для того, чтобы проветрить мозги, он часок прогулялся по району, а затем поужинал с женой и дочерью, которые вернулись с шоппинга, посвященного наступлению нового учебного года. Похвалив покупки, Данилов уселся в гостиной перед телевизором. Включенный телевизор был уловкой, позволявшей без помех предаваться размышлениям. Если будешь просто сидеть в кресле и думать, то домашние замучают вопросами. Дочь будет настойчиво интересоваться, почему папочка грустит и всячески пытаться развеселить его. Жена многозначительно спросит: «что опять не так, Данилов?». Скажешь «да все так, просто подумать хочется» – не поверит. Нет, лучше пусть лучше видят, что он смотрит телевизор…

В принципе, Данилову все было ясно, кроме одного момента, на котором его «замкнуло».

Анестезиолог Юрий Федорович Сапрошин имел за плечами почти тридцать лет врачебного стажа. Как мог умудренный опытом пятидесятидвухлетний профессионал использовать на операции аппарат искусственного кровообращения с неисправным детектором пузырьков воздуха? Он же прекрасно знал, что при оперативном вмешательстве на сердце и сосудах всегда есть риск попадания воздуха в сосудистую систему со всеми вытекающими отсюда фатальными последствиями.

Что это?

Пофигизм?

Вряд ли. Пофигисты не могут продержаться в анестезиологах-реаниматологах три десятка лет, они «споткнутся» в первые же годы работы и испортят себе репутацию навсегда. А врачебный мир тесен и злопамятен. С плохой репутацией в хорошее место не возьмут и, уж тем более, не поставят обеспечивать операции такого светилы, как профессор Раевский. Хирурги вообще очень придирчиво относятся к анестезиологам, а у корифеев скальпеля эта придирчивость возрастает на порядок. И правильно, ведь смерть пациента во время операции или вскоре после нее ложится пятном на репутацию хирурга. Всегда ложится, в любом случае! Народ не разбирается, кто на самом деле виноват – хирург, анестезиолог или медсестра, халатно отнесшаяся к стерилизации хирургического инструмента. Народ говорит: «у этого хирурга часто умирают пациенты, лучше к нему под нож не ложиться».

Главная непонятка тянула за собой другую, помельче, но тоже имеющую важное значение. Операционная медсестра Шполяк промолчала насчет неисправного датчика, потому что боялась мести анестезиолога Сапрошина… Ок, пусть так. Но почему она не испугалась мести профессора Раевского, который по статусу стоит выше главного врача и может капитально осложнить жизнь медсестре? Это же как-то нелогично… Все равно, что бояться кошки, но не бояться тигра. Ну что мог ей сделать рядовой врач-анестезиолог? Сказать грубость? Распространить какие-нибудь гадкие слухи? Сделать мелкую пакость? Не более того. К тому же на обычного врача медсестра быстро найдет управу, чай не в крепостные времена живем. Но вот Раевский мог пинком вышвырнуть ее с работы и сделать так, что никуда, кроме районной поликлиники она ни в Москве, ни в области не устроится. А работа поликлинической медсестры не идет ни в какое сравнение с работой медсестры операционной – денег меньше, нервотрепки гораздо больше, престиж совсем не тот и вообще все «не торт». Тем более, что у корифеев операционные сестры не абы какие, а свои – избранные, выученные, прикормленные. Когда хирурги говорят, что операционную сестру нужно выбирать тщательнее, чем жену, они нисколько не шутят, так оно и есть. Дай корифею плохую операционную сестру, и корифей запорет операцию, потому что и инструменты ему будут подавать не так, и нити в иглы вдевать не так, и вообще не будут понимать его с первого взгляда. Ну а «вишенкой на торте» может стать ошибка в подсчете расходного материала и инструментов до и после операции. Обсчитается медсестра на один тампон, решит, что все у нее совпало, а тампон останется в операционной ране, которая будет зашита. А может и не тампон, а зажим или какой-нибудь другой инструмент… Короче говоря, операционная сестра профессора Раевского могла бояться только самого профессора, своего благодетеля, надежду и опору. Только его – и никого больше. И она непременно должна была сообщить Раевскому о неисправном датчике!

Ну разве что перед операцией между ними произошла какая-то ссора и она промолчала назло? Но после остыла, одумалась и рассказала обо всем следователю… Теоретически – возможно, но как-то неубедительно.

А может медсестра сообщила профессору, но он проигнорировал ее слова и теперь она врет, потому что не хочет выставлять своего покровителя виноватым – знал, мол, да мер не принял? Ну это совсем уже из области фантастики… Профессор Раевский не стал бы рисковать своей репутацией подобным образом. Это было бы не только крайне глупо, но и абсолютно бессмысленно – операция плановая, пациент восемнадцать лет жил со своим аортальным пороком и спокойно подождал бы до завтрашнего или до послезавтрашнего дня. Никаких причин для спешки и никаких оправданий для риска не было. А если, даже, и была бы экстренная необходимость, то почему бы не воспользоваться другим «насосом»? Ведь в крупных больницах их несколько.

Впрочем, вот тут-то и могла быть зарыта условная собака.

Возможно, что к использованию аппарата с неисправным датчиком анестезиолога Сапрошина принуждала администрация. Не главный врач, однозначно, поскольку исправность аппа-

ратуры – не его компетенция и не его проблема. За этим должны следить зам по АИР[11] и заведующий отделением. В заведующие обычно попадают умные люди, потому что на заведующем замыкаются все лечебные вопросы и главным врачам на этой должности дураки не нужны. Назначишь дурака – получишь такую статистику, что и сам на своем месте не усидишь.

А вот с заместителями расклад совершенно иной. Если заведующих отделениями назначает главный врач, то заместителя ему могут навязать сверху, из департамента. Заведующий отделением – это, в некотором смысле, тупиковая должность, венец карьеры человека, который хочет оставаться лечащим врачом. А вот должность заместителя главного врача – всего лишь одна из первых ступенек в великой административной карьере на пути к более значительным должностям. Если департамент здравоохранения назначит в заместители дурака, главный врач в большинстве случаев не сможет этому воспрепятствовать, ведь он же и сам полностью зависит от департамента. Кроме того, многие главные врачи предпочитают иметь в заместителях недалеких людей, которые не смогут их подсидеть. Своя рубашка, то есть – своя должность, к телу, как известно, ближе…

Предположим, что с «насосами» возникла какая-то напряженка (это всегда может случиться), а дураку-заместителю не хочется останавливать операции из-за такой «мелочи», как неисправный детектор пузырьков воздуха. Он может рассуждать следующим образом: эка важность, если сам аппарат в порядке, то в детекторе нет особой нужды. Дуракам все кажется простым, на то они и дураки. А заведующий отделением не может возразить, поскольку не хочет осложнять отношения с замом главного врача. И анестезиолог Сапрошин по каким-то причинам не хочет осложнения отношений с начальством. Может, он ждет повышения или же боится увольнения… Больничка-то неплохая, столичная, многопрофильная, на хорошем счету. Не сравнить с ЦРБ[12] Монаковского района Тверской области, в которой Данилову когда-то довелось работать. А на следствии и суде Сапрошин не говорит о давлении со стороны начальства поскольку понимает, что никто ему не поверит. Попытка оправдаться при полном отсутствии доказательств, выглядит как перекладывание с больной головы на здоровую.

В жизни Данилова был случай подобного принуждения. Во время работы на шестьдесят второй подстанции заведующий попытался выпихнуть его на линию с неисправным аппаратом искусственной вентиляции легких. Логика у заведующего была убийственной в своей абсурдности – «вентилятор» применяется редко, так что как-нибудь проработаешь сутки без него. «А если понадобится?» спросил Данилов. «Будете делать дыхание по способу „рот в рот“!», хохотнул заведующий. Данилов наотрез отказался принимать машину, а, следовательно, и дежурство, без исправного аппарата. Заведующий начал грозить увольнением за прогул, на что Данилов предложил ему вместе проехаться на Центр и выяснить там, кто из них прав. Выносить конфликт за пределы подстанции заведующий не захотел. Данилов четыре часа бил баклуши в комнате отдыха, пока старший фельдшер не привезла исправный аппарат, одолженный на соседней подстанции (в то время к подотчетному имуществу относились проще, чем сейчас). Данилову даже оплатили время простоя, поскольку простой произошел не по его вине.

Замом по АИР в больнице имени Филомафитского был некий Евгений Аристархович Менчик. На больничном сайте было указано только то, что он является кандидатом медицинских наук, но редкая фамилия и не слишком-то распространенное отчество помогли Данилову быстро навести о нем справки у всезнающего Гугла.

Евгений Аристархович оказался из молодых, да ранних – типичный «золотой мальчик». В 2013 году он окончил в Екатеринбурге Уральский государственный медицинский университет, прошел ординатуру по анестезиологии и реаниматологии, затем поступил в аспирантуру и

[11] АИР – сокращение от «анестезиология и реанимация».

[12] ЦРБ – центральная районная больница.

в 2018 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Мультимодальное[13] обезболивание кардиохирургических больных в послеоперационном периоде». С февраля по июнь 2019 года Евгений Аристархович работал анестезиологом в Первой градской больнице Москвы, а в июле того же года перешел в больницу имени Филомафитского на должность заместителя главного врача по АИР. Поистине наполеоновские карьерные темпы! Без мохнатой лапы здесь точно не обошлось. Будь ты хоть гением из гениев, но на первом году самостоятельной работы (ординатура и аспирантура не в счет) без посторонней помощи ты не станешь заместителем главного врача, да еще и по анестезиологии и реанимации. Это же самая хлопотная и самая ответственная из всех «заместительских» должностей, потому что наибольшее число ошибок совершается в реанимационных отделениях и жалобы на эти отделения пишутся чаще, чем на другие.

Набрал в поисковике «Аристарх Менчик», Данилов сразу же вышел на заместителя министра инвестиций и развития Свердловской области. Епархии, конечно, разные, но, находясь на такой должности, папаша вполне мог поспособствовать продвижению сына в медицинской сфере. Однако уж больно стремительно Евгений Аристархович вышел в начальники, причем не в Екатеринбурге, где у папы все может быть схвачено, а в Москве. Уж не женат ли он на дочери какого-нибудь столичного медицинского бонзы?

Любопытство раззадорило Данилова настолько, что он решился позвонить профессору Ряжской, несмотря на то что был субботний вечер и часы показывали половину десятого. Матерая сплетница Ряжская была настоящим кладезем неофициальной информации – она знала, кто чей родственник и кто чей любовник, знала командные расклады и знала тайные ходы мастей. В прошлом году, буквально накануне начала Великой коронавирусной войны, Ряжская потрясла всю кафедру словами «а Ломовому-то нашему на днях рога обломают». Заместитель министра здравоохранения Александр Ломовой, пребывал в этой должности уже восьмой год при двух министрах и, как считали все, сидел в своем кресле очень крепко, поскольку его родной брат был, ни много ни мало, помощником президента. И что же? Спустя три дня после пророчества Ряжской вспыхнул громкий скандал. Выяснилось вдруг, что докторская диссертация Ломового была в основном скомпилирована из фрагментов чужих диссертаций. Заимствования составляли около восьмидесяти процентов и не надо спрашивать, как он сумел защитить такой опус-попус. Сумел – и защитил. В результате скандала Ломовой лишился и своей должности, и докторской степени… Ряжская ходила по кафедре гоголем – ну что, Фомы неверующие, убедились, что Раиса Ефимовна зря не скажет?

Странно только, что при такой осведомленности, точнее – при таких связях, Ряжская не стала заведующей кафедрой после Погребенько…[14] Впрочем, у нынешнего заведующего тоже есть связи, только он их не афиширует, он вообще очень скрытный, никогда не поймешь, что у него на уме. Мог бы кого-нибудь другого в эксперты отрядить, а почему-то выбрал Данилова. Почему? Считает его мистером Вульфом,[15] способным решать сложные проблемы? Или тут что-то другое? Однако, вряд ли у шефа есть свой интерес в этой истории… Хотя кто его знает, человека в футляре.

Елена, с которой Данилов поделился своим недоумением, огорошила его неожиданным ответом.

– Он явно видит в тебе своего преемника! – уверенно сказала она. – Поэтому и использует в качестве палочки-выручалочки. Вспомни, как Джиор Мормонт сделал Джона Сноу своим стюардом… Ах, да, ты же не стал смотреть «Игру престолов»!

---

[13] Мультимодальное – сочетающее несколько видов (в данном случае – несколько видов обезболивания).

[14] О трагикомических обстоятельствах ухода прежнего заведующего кафедрой рассказывается в романе «Расследование доктора Данилова».

[15] Персонаж культового фильма Квентина Тарантино «Криминальное чтиво».

Данилов совершенно не разделял общих восторгов относительно этого сериала. Занудливейшая, невероятно растянутая история с претензией на философичность. Что там интересного? Ведь уже с первых серий ясно, чем закончится дело… Досмотрев, точнее – домучив, первый сезон до седьмой серии, Данилов поведал Елене свою версию финала, которая практически полностью совпала с реальной концовкой фильма. А что тут такого сложного? Ведь все сериалы кроятся по одним и тем же лекалам.

Ряжская сильно удивилась звонку Данилова (это чувствовалось по голосу), но охотно предоставила ему необходимую информацию.

– Менчик? Ну как же вы не знаете про Менчика, Владимир Александрович? В свое время о том, что Говорков наконец-то выдал замуж свою непутевую дочь, говорила вся Москва! Да что там Москва! Моя рижская подруга интересовалась – неужели это правда?…

– Непутевая дочь? – растерянно переспросил Данилов, не имевший никакого представления о том, что обсуждала «вся Москва». – А кто такой Говорков?

Мелькнула мысль – уж не пьяна ли уважаемая Раиса Ефимовна? На кафедральных посиделках профессор Ряжская выказывала довольно значительный энтузиазм по этой части, причем пила только водку и ничего кроме.

– Что с вами, Владимир Александрович? – в свою очередь удивилась Ряжская. – Вы забыли фамилию главного анестезиолога Минздрава?[16] И разве вы ничего не знаете про его дочь, на которой женился ваш Менчик? Вы вообще чем-нибудь интересуетесь, кроме работы, Владимир Александрович?

– Шахматами, – ответил Данилов для того, чтобы хоть что-то сказать для поддержания беседы.

– Шахматами! – повторила Ряжская таким тоном, словно речь шла о чем-то непристойном. – Небось сидите дома и играете сами с собой. А жизнь, тем временем, проходит мимо вас… Ладно, не мое дело вас «лечить», у вас для этого жена есть. Так вот, говорковская дочурка была той еще оторвой. В девятом классе бросила школу и связалась с дурной компанией, не то с рок-музыкантами, не то с рокерами но секса, наркотиков и рок-н-ролла там было выше крыши. Родители с великим трудом, через полицию, вернули ее домой и посадили под домашний арест, но эта оторва ухитрялась сбегать через окно четвертого этажа… Вы представляете? Бедные родители! Если это не ужас, то я не знаю, что такое ужас. В институт она поступать отказалась и уехала в Индию искать просветления. Моталась там по… этим самым… как их? … аюрведам…

– Ашрамам, – подсказал Данилов.

– Да-да – по ашрамам-машрамам! Папочка ей только и успевал деньги переводить. Потом она вернулась и вроде как согласилась учиться. Но оставлять ее в Москве не было никакой возможности, потому что она сразу бы попала в круг старых друзей и все началось бы по новой. Говорков отправил ее в Екатеринбург, к своему бывшему однокашнику и близкому другу Володе Рыжкову, который заведовал кафедрой АИР в Уральском меде. Присмотри, мол, по-братски за моей оторвой и пристрой ее в свой вуз, а я в долгу не останусь… И не остался – в позапрошлом году Рыжков получил кафедру в МАНПО,[17] Говорков свои обещания выполняет. Так вот, в Екатеринбурге она познакомилась с этим вашим Менчиком и у них все сложилось. Парень явно не дурак, понял, какой выигрышный билет попал к нему в руки. Говорков чуть ума не лишился от счастья, получив такого зятя. Умный, деловой, из хорошей семьи – его отец заместитель какого-то местного министра, да еще и с характером. При таком муже стало возможным вернуть непутевую дщерь в Москву. Короче говоря, все счастливы. Говорков

[16] Если кому интересно, то полностью эта должность называется «Главный внештатный специалист по анестезиологии-реаниматологии Министерства здравоохранения Российской Федерации».

[17] МАНПО (полностью – РМАНПО) – Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, занимающаяся послевузовским профессиональным образованием кадров здравоохранения.

предложил зятю на выбор административную или научную карьеру, тот выбрал первое. Вы в курсе, что первую инфекционную больницу перестраивают?

– Да, конечно.

Первую инфекционную больницу не перестраивали, а строили заново, снеся старые корпуса. Судя по размаху, там ожидалось нечто грандиозное.

– Менчика прочат туда главным врачом, а в начмеды[18] ему дадут нынешнего главврача, Свету Масленникову, такая вот будет рокировочка, чтобы поддержать мальчика на первых порах, пока он не заматереет.

– Рокировочка-то опасная, Раиса Ефимовна, – заметил Данилов. – Обиженный опытный начмед может запросто подвести неопытного главного врача под монастырь. Буквально на ровном месте.

– Свете не на что обижаться, ведь ее сын учится в аспирантуре у Говоркова, – объяснила Ряжская. – Мамина понятливость поможет сынуле быстро выйти в доценты. Говорков же не дурак, он все наперед просчитывает.

– Поговорил с вами – и словно пелена с глаз спала, – сказал Данилов, понимавший, что сухого «спасибо» Ряжской будет недостаточно. – Вы мне просто новый мир открыли, Раиса Ефимовна, и я вам за это премного благодарен.

– Заглядывайте ко мне на кофеек, и я вам еще много чего открою, – игривым тоном пообещала Ряжская.

– Непременно, – ответил Данилов, подумав о том, что один-два раза в месяц можно и заглянуть, ради поддержания хороших отношений со столь ценным источником информации, который сходу выдает полный расклад, да еще и с комментариями.

Доктор Ватсон, получив подобную информацию, сразу бы воскликнул: «Все ясно, Холмс! С такой поддержкой Менчик мог позволить себе все, что угодно, в том числе и принуждение врачей к использованию аппаратов с неисправными датчиками!».

Да, на первый взгляд так оно и есть. Более того – лет десять назад Данилов так бы и подумал, но административная работа в Севастополе существенно расширила его кругозор и научила разбираться в карьерно-бюрократических тонкостях.

С одной стороны, Ватсон прав – в случае чего Менчик может рассчитывать на поддержку своего тестя. Но, с другой стороны, у Говоркова должно быть много врагов, ведь вся эта начальственная верхушка представляет собой большой клубок змей, постоянно грызущихся друг с другом. В лице тестя Менчик имеет довольно крепкий тыл, но от подстав ни он, ни Говорков не защищены, и любой их промах будет раздут недругами до вселенских масштабов. Так что первым делом Говорков должен был вдолбить зятю в голову правило: «не подставляйся никогда, помни, что ты ходишь по тонкой ниточке над бездной». А следом вбить второе: «рестарта в реальной жизни не бывает». Только после этого можно начинать продвижение молодого человека к сияющим карьерным высотам.

Опять же, должность главного врача огромной новой больницы представляет собой весьма лакомый кусок, на который зарятся многие. Менчика пока только прочат в главные врачи и не факт еще, что он им станет, но уже то, что он претендует на эту должность, привлекает к нему пристальное внимание со стороны потенциальных конкурентов и их покровителей. Стоит только Менчику оступиться – и со всеми радужными надеждами можно будет распрощаться навсегда. Нет, он рисковать не станет. Вдобавок, с таким тестем, как Говорков, заявки Менчика на аппаратуру должны удовлетворяться мгновенно, по принципу: «утром заказал – вечером привезли». И заведующие отделениями у молодого карьериста тоже должны ходить по струнке…

[18] Начмед – жаргонное название заместителя главного врача по медицинской части.

«Все это выглядит логичным, но только факты имеют ценность», сказал бы сейчас Шерлок Холмс.

– Знаешь ли ты что-нибудь о больнице имени Филомафитского? – спросил Данилов у Елены за чашкой кофе, завершающей прожитый день.

– Ничего плохого не слышала, – ответила жена. – А что?

– Хотелось бы иметь представление, как там организована наша служба, да и вообще о всех тамошних порядках в целом, – ответил Данилов. – Для правильной оценки событий мне нужно представлять, на каком фоне они происходили.

– Я хорошо знаю заведующего приемным отделением Антоняна. Хороший мужик, вменяемый. Могу свести тебя с ним…

– Мне как члену экспертной комиссии, разбирающей случай в больнице, не следует общаться с ее сотрудниками, – объяснил Данилов. – В уголовно-процессуальном кодексе сказано, что эксперт не вправе самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования. Но я же не занимаюсь сбором конкретных материалов. Мне просто хочется получить общее представление… Поможешь?

– Данилов! – Елена недоверчиво покачала головой. – С каких это пор ты начал ловчить? Это на тебя совсем не похоже!

– Я не ловчу, а исправляю ошибку следователя, которая не подумала о том, о чем подумал я, – Данилов пристально посмотрел в глаза жене. – Мне приходится действовать окольными путями ради быстроты и достоверности. Не знаю, сколько именно займет получение информации через суд, но подозреваю, что дело затянется. К тому же, в разговоре с хорошим знакомым из числа коллег, человек будет откровеннее, чем во время дачи показаний в суде.

– Действовать окольными путями – это и есть ловчить! – стояла на своем Елена. – Но ты не думай, что я тебя осуждаю, я просто удивляюсь и даже немного радуюсь…

– Чему радуешься? – не понял Данилов.

– Тому, что ты становишься дипломатичным, – Елена потянулась через стол (дело было на кухне) и ласково взъерошила Данилову волосы. – Нельзя же все время переть по одной колее, будто трамвай.

– Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется,[19] – Данилов притворно нахмурился. – Мы с тобой прожили вместе уйму лет, и я только сейчас узнал, что все эти годы ты сравнивала меня с трамваем! Как ты могла?!

– Знал бы ты, что я иногда о тебе думаю, так не обижался бы на «трамвай»! – усмехнулась Елена.

Приставать к жене с уточнениями Данилов не стал. Он вообще не любил ворошить старое. Как говорила мать: «что было – то было, а что есть – то есть». Тем более, что деловой разговор пока еще не был завершен.

– Заодно наведи справки у твоего Антоняна об анестезиологе Сапрошине, – попросил Данилов. – История-то громкая, так что твое любопытство будет выглядеть вполне уместно. Что за человек, хороший ли специалист, ну и вообще. Казенные характеристики – это одно, а мнение коллег – совсем другое.

– А разве это не будет нарушением правил? – Елена хитро прищурилась. – А, Данилов? Ты, вообще, кто – следователь или эксперт?

– Определять вину человека, не имея представления о его личности, все равно что ставить диагноз, не видя пациента, – ловко вывернулся Данилов. – Я хочу разобраться, виноват ли Сапрошин, или его просто делают виновным. С чисто медицинской точки зрения до правды не докопаться, поскольку записи анестезиолога и хирурга просто идеальны, хоть в учебники вставляй в качестве примера. Но пациент умер от воздушной эмболии мозговых сосудов, при-

[19] Ф. И. Тютчев. «Нам не дано предугадать…».

чем после операции он не приходил в сознание, так что вариант с введением воздуха в сосуды в послеоперационном периоде не проходит – виноваты хирурги или анестезиолог. Я внятно излагаю?

– Более чем, – ответила Елена. – А зачем тогда вообще суду понадобилась ваша экспертиза?

– Для подстраховки, – Данилов многозначительно посмотрел на жену. – Мне председатель комиссии так и объяснил. И я могу предсказать, каким будет заключение комиссии – хирурги сработали правильно, виноват анестезиолог, использовавший неисправный «насос». Но по записям Сапрошина в истории болезни видно, что он человек дотошный, не пофигист. Пофигисты пишут небрежно, даже если переписывают историю для прокурора, то все равно небрежность видна. А у Сапрошина никакой небрежности нет и в помине, ничего не упущено, каждое слово стоит на своем месте. Врача же видно по тому, как он пишет. Ты со мной согласна?

– Согласна, – кивнула Елена. – Дай мне карту вызова, и я тебе сразу скажу, насколько хорош заполнивший ее врач. Мелочи выдают человека с головой. Как сказано в Евангелии: «Верный в малом и во многом верен; а неверный в малом неверен и во многом».[20]

– Заодно и про профессора Раевского спроси, – добавил Данилов. – Для полноты впечатления.

– Это называется: «бабушка, дай воды напиться, а то так есть хочется, что и переночевать негде»! – рассмеялась Елена. – Наглеешь на глазах! Может тебе еще из департамента личное дело главного врача выкрасть?

– С этим повременим, – усмехнулся Данилов. – Но если что, то буду на тебя рассчитывать. И учти, что моя судьба полностью в твоих руках, ведь я не вправе разглашать данные, ставшие мне известными в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта. Судья предупредила меня под расписку, что за это можно получить два года исправительных работ или три месяца ареста.

– Теперь я знаю, что мне делать, если захочется отдохнуть от тебя! – Елена иронично подмигнула Данилову. – Так что веди себя хорошо!

– Смени фамилию на Морозову, – посоветовал Данилов. – В честь Павлика.

[20] Лука, 16:10

Глава пятая. Доктор Кактус

Елена подошла к поручению с присущей ей ответственностью – записала телефонный разговор с доктором Антоняном для того, чтобы Данилов получил полное впечатление и в любой момент мог бы его освежить. Разумеется, не обошлось без вопроса относительно того, положены ли какие награды за помощь экспертам. Данилов на это ответил, что содействие торжеству справедливости само по себе является высшей из наград и добавил к этим утешающим словам килограммовую жестянку датского печенья, до которого Елена была великая охотница. Вместо благодарности получил выговор за срыв капустной диеты, на которой жена сидела уже третью неделю. Все согласно древнему принципу: «сделай – и огребешь».

Прослушав запись, Данилов восхитился интервьюерским талантом жены, которого раньше как-то не замечал. Повода не было. Вставленными к месту репликами «неужели!» и «не может быть!» Елена побуждала собеседника выдавать как можно больше подробностей, а когда фонтан красноречия грозил иссякнуть, задавала какой-нибудь наивно-отвлеченный вопрос, после которого фонтан снова начинал бить в полную силу. И все это делалось легко и ненавязчиво, в рамках дружеского трепа «ни о чем понемногу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.